

Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
 На ложѣ бархатномъ своемъ.
 Полусгорѣвшая свѣча
 Предъ нимъ, сверкая и треща,
 Порой на каждый леть предметъ
 Какой-то странный полусвѣтъ.
 Висять надъ ложемъ образа;
 Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
 Вдругъ оживляются, глядятъ—
 Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
 Онъ непонятный и страшный
 Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
 Томить боярина тоска...
 Уже поздно. Подъ окномъ рѣка
 Шумитъ, и съ бурей заодно
 Гремучій дождь стучитъ въ окно.
 Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
 И—странно—Оршу обнялъ страхъ!
 Бывалъ онъ въ битвахъ, хотъ и старъ,
 Противъ поляковъ и татаръ;
 Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
 Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
 Ни разу духъ его крутой
 Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
 Но тутъ—онъ свистнулъ, и вошелъ
 Любимый рабъ его, Соколь.

И молвилъ Орша: «скучно мнѣ,
 Все думы черныя однѣ.
 Садись поближе на скамью,
 И рѣчью грусть разсѣй мою...
 Пожадуй, сказку ты начни
 Про прежніе златые дни,
 И я, припомнивъ старину,
 Подъ говоръ словъ твоихъ засну.»

И на скамью присѣлъ Соколь.
 И рѣчь такую онъ завелъ:
 „Жилъ былъ за тридцать земель,
 Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
 Великій и премудрый царь.
 Ни въ наше времячко, ни встарь
 Никто не видывалъ пышнѣй
 Его палатъ, и много дней
 Въ веселии жизнь его текла,
 Покуда дочь не подросла.

Тотъ царь былъ слабъ, и хилъ, и старъ,
 А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
 Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
 Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
 И на его царевну-дочь
 Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
 И цѣловать красотку могъ
 Лишь перелетный вѣтерокъ.

И царь тотъ раза три на дно
 Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
 Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
 Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
 Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
 Сапожки шелковые снялъ,
 И вотъ приходитъ въ башню ту,
 Гдѣ скрылъ царевну-красоту...

Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
 Дочь сладко спитъ, но не одна;
 Припавъ на грудь ея головой,
 Съ ней царскій конюхъ молодой
 И прогнѣвился царь тогда,
 И повелѣлъ онъ безъ суда
 Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить.

И въ сине море угатить...»
 И быстро на устахъ раба—
 Какъ будто тайная борьба
 Въ то время совершалась въ немъ—
 Улыбка вспыхнула, потомъ
 Онъ очи на небо возвелъ,
 Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколь!»
 Махнувъ дрожащею рукой,
 Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
 Расскажешь сказку до конца
 Про оскорбленного отца!»

И по морщинамъ старика,
 Какъ тѣни облака, слегка
 Промчались тѣни черныхъ думъ;
 Встревоженный и быстрый умъ
 Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
 Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
 Онъ зломъ не могъ быть удивленъ.
 Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
 Не вѣрилъ только потому,
 Что вѣрилъ нѣкогда всему!..

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
 Онъ съ ложа мягкаго встолчился,
 Соболю шубу на плеча
 Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
 И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
 Къ свѣтлицѣ дочери своей.
 Ступени лѣстницы крутой
 Подъ тяжелою его стопой
 Скрипятъ, и свѣчка раза два
 Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
 Сидитъ на старомъ сундукѣ
 И спитъ глубоко, и порой
 Во снѣ качается головой;
 На ней, предчувствіемъ объять,
 На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ—
 И мимо; но, послыша стукъ,
 Старуха пробудилась вдругъ,
 Перекрестилась и потомъ
 Опять заснула крѣпкимъ сномъ.
 И, занята своей мечтой,
 Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
 Свѣтлицы дочери своей
 И чуткимъ ухомъ онъ принялъ
 Къ замку—и думаетъ старикъ:
 «Нѣтъ! непорочна дочь моя!
 А ты, Соколь, ты рабъ, змѣя,
 За дерзкій, хитрый твой наемъ
 Получишь гибельный урокъ!»
 Но вдругъ... о горе! о позоръ!
 Онъ слышитъ тихій разговоръ...